

Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / пер. с кит. А. М. Разинцева. М.: Новое изд-во, 2016. 386 с.

Непомнин О. Е. История Китая XX в. М.: Изд-во ИВ РАН; Крафт Плюс, 2011. 736 с.

Панцов А. В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.

Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: Изд-во ИДВ РАН, 2005. 324 с.

Хэ Яоминь. Траектория экономического развития Китая / пер. с кит. Л. С. Сагандыковой. Пекин; М.: Шанс: Восток Бук, 2015. 258 с.

张庆龙. 华国锋忆抓捕四人帮：他们没把我放在眼中(图) (Чжан Цинлун. Хуа Гофэн напомнил об аресте «банды четырех»: они не воспринимали меня всерьез) [Electronic Resource] // Жэньминь Жибао. URL: <http://news.sohu.com/20080821/n259067328.shtml> (accessed: 13.08.2018).

徐鵬. 華國鋒同志生平 (Сюй Пэн. Жизнь товарища Хуа Гофэна) [Electronic Resource] / Синьхуа Новости. URL: https://web.archive.org/web/20140910201442/http://big5.xinhuanet.com/gate/big5/news.xinhuanet.com/newscenter/2008-08/31/content_9744826.htm (accessed: 13.08.2018).

陈国栋. 华国锋曾民主对待“真理标准”大讨论 (Чэнь Годун. Хуа Гофэн рассматривал демократию «стандартом истины») [Electronic Resource] // Синьхуа Новости. URL: <http://news.sohu.com/20080805/n259067214.shtml> (accessed: 13.08.2018).

Н. М. Тернов

*студент 4 курса, СИУ РАНХиГС
bengunnwithlove@gmail.com*

1986 г. в современном историческом нарративе Казахстана

В статье рассматривается процесс изменения восприятия антисоветского волнения 1986 г. Проводится попытка определения причин изменения интерпретаций и последующих вытеснений определенных фрагментов памяти из общего топоса. Предметом рассмотрения стало антисоветское волнение 1986 г., а также его последующая интерпретация местной политической элитой и учебными заведениями.

Ключевые слова: политика памяти, Казахстан, социальные рамки, 1986 г.

После распада СССР Казахстан столкнулся с проблемой формирования новой идентичности. Сложность заключалась в интеграции этнических меньшинств в общекзахский нарратив, основанный на историко-культурном наследии. К 1991 г. доля казахского населения составляла 41,9%, русского — 37% [Динамика численности...]. Наличие таких крупных групп оказало влияние на формирование исторической памяти. Следовало интегрировать новые топосы памяти, не разжигая конфликты. Таким образом, были поставлены

определенные социальные рамки памяти, которые, по М. Хальбваксу, служат критериями оценивания совершившихся событий [Хальбвакс, 2007, с. 148].

Со снижением численности русскоязычного населения происходят изменения в интерпретации событий 1986 г. и подчеркивается антисоветский характер восстания, исчезает грань между советской политикой и российской (включающей в себя имперскую и советскую).

С. Зиманов, академик НАН РК, в своем труде «Парламент Казахстана в трудные годы провозглашения независимости» так описывает положение декабрьских событий в коллективной памяти: *«Мы еще не успели, в силу разных обстоятельств, осознать это событие в полном адекватном ему достоинстве»* [Зиманов, 2011, с. 11].

В современных учебниках Истории Казахстана описания советской власти и методов ее правления содержат негативные коннотации, приписывающие диктаторство, репрессивность, жестокость. Авторы одного из учебников сообщают, что меры подавления восстания 1986 г. были *«по-прежнему основаны на терроре и репрессиях»*. Появились отряды русскоязычных рабочих, нападающих на протестующих [Кузембайулы, Абиля, 2006, с. 327]. Особое внимание уделяется методам подавления. Для придания более негативной окраски действий властей говорится, что протестующих вывезли в степь и голыми держали на морозе.

Позже «диктат» Центра продолжил репрессивную политику: прошла волна гонений на национальную интеллигенцию. Представителям коренной национальности был закрыт доступ к образованию и престижной работе.

Таким образом, в протестах 1986 г. на передний план выходит антисистемный характер. Внимание уделяется сакрализации жертв и созданию преемственности в российских методах управления: зачастую используются связки, указывающие на «стабильность», «так же, как и раньше», «по-прежнему» [Кан, 2011, с. 220–226].

Такой перенос способствует формированию единого нарратива, где вне зависимости от временных рамок Россия — негативный мемориальный актор, угнетающий население. И если Российской Империи приписывался колониализм и излишняя прагматичная политика в отношении местного населения, то СССР, являющийся частью той, неизменной России, продолжил подобную практику, не принимая во внимание интересы казахов и прибегая к имперским методам решения проблем.

Литература

Динамика численности и состава населения Казахстана во второй половине XX века [Electronic Resource] // Демоскоп weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0103/analit03.php> (accessed: 29.09.2018).

Зиманов С. З. Парламент Казахстана в трудные годы провозглашения независимости. Алматы: Алаш, 2011. 11 с.

Кан Г. В. История Казахстана: Учебник для вузов. Алматы: Алматыкітап баспасы, 2011. С. 220–226.

Күзембайұлы А., Абиль Е. А. История Казахстана: учебник для вузов. Костанай: Костанайский регион. ин-т историч. исследов., 2006. 327 с.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Zenкина. М.: Новое изд-во, 2007. 148 с.

А. И. Фурцев

магистрант 1 курса, НГУ

furcev_andrei@mail.ru

Исламская миграция в ФРГ в конце XX — начале XXI вв.

В статье предпринята попытка установить основные причины возникновения проблемы исламской миграции в ФРГ и определить, какие формы она принимала на различных этапах существования процесса.

Ключевые слова: исламская миграция, беженцы, гастарбайтеры, НАТО.

Впервые ФРГ открыла границы для мигрантов из мусульманских стран в 1961 г. посредством заключения трудового договора с Турцией. В период 1961–1973 гг. турецким бюро занятости для работы в ФРГ было направлено 648 тыс. человек. Однако после нефтяного кризиса 1973 г. рекрутирование рабочей силы было ограничено, в 1974–1989 гг. из Турции было направлено еще 10 тыс. человек для воссоединения семей гастарбайтеров. Таким образом, в ФРГ стали возникать постоянные поселения турецких рабочих, хотя изначально приезд иностранцев считался временным [Эрдер]. В 1980-х гг. правительством ФРГ принимаются ограничения на въезд гастарбайтеров и ограничиваются условия выдачи виз. Однако эти меры не дают существенных результатов. В 1990-е гг. в больших масштабах в ФРГ начинают въезжать лица, ищущие лучших условий жизни или желающие найти безопасное место жительства.

Таким образом, правительство ФРГ сталкивается с возникшим феноменом нового потока иммигрантов, которых трудно идентифицировать на практике. Одновременно с существованием трудовой миграции возникает политическая миграция. Начиная с 1970-х гг. политический и экономический климат в мире стал создавать такую